

Образ пророка Мухаммеда и развитие концепции поэта-пророка в русской поэзии "золотого века"

Научный руководитель – Рейснер Марина Львовна

Кузнецов Алексей Анатольевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Кафедра иранской филологии, Москва, Россия

E-mail: ALEX01-nw@yandex.ru

Пророк Мухаммед относится к ряду исторических личностей, известных практически в любом уголке мира. Основанная им религия, ислам, широко распространилась по планете, и исламская культура часто вступала во взаимодействие с другими культурами. Так, в начале XIX в. соприкосновение западной культуры с миром Востока породило направление, известное под названием ориентализм. Среди источников вдохновения для русских поэтов и писателей были Священные Писания: Коран и Библия. Ориентализм становится неотъемлемой чертой литературы романтизма, что было обусловлено, по выражению Г. Гейне, стремлением «освежиться здоровой плотской жизнью Востока». А для России, по мысли Г.А. Гуковского, в 20-е и 30-е годы восточный стиль становится стилем свободы, наполненным гражданскими, близкими декабристам образами. [Хулхамедова 2001: 378].

Проблемой данного исследования является изучение генезиса и эволюции поэтического концепта «поэт-пророк» в период «золотого века русской поэзии» (условно с конца XVIII по первую половину XIX века) с востоковедческой точки зрения. Выбор объекта исследования связан с тем, что в корпусе стихотворений «о пророках» прослеживается связь с образом пророка Мухаммеда. Задачей исследования, таким образом, становится выявление влияния фигуры пророка Мухаммада на содержание стихотворений о предназначении поэта. Выбор периода связан с тем, что первая волна популярности ориентализма в России выпала на эпоху «золотого века русской поэзии».

Эта эпоха ознаменовалась в первую очередь творчеством таких гениев, как А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, которые часто обращали свои поэтические взоры на Восток. Стоит отметить, что ориентализм развивался и силами других поэтов, но слава бесспорных лидеров затмила творчество поэтов «второго эшелона», чей вклад в фонд русской литературы также весьма значителен. Поэтому для более полного раскрытия проблемы были добавлены произведения Д.П. Ознобишина (1804-1877) и М.П. Розенгейма (1820-1887) на ту же тему. Это и составляет новизну в раскрытии поставленной проблемы.

Для нашей темы важны следующие источники: сборник стихотворений «Коран и пророк Мухаммед в русской классической поэзии», подготовленный петербургским арабистом-историком, уроженцем Ирака Назимом Межидом ад-Дейрави с предисловием Г.З. Пумпяном «Коран и арабо-мусульманские мотивы в русской поэзии XIX - начала XX века»; статья Холмухамедовой Н.Н. «Д.П. Ознобишин в контексте русской ориентальной поэзии 20-40-х годов XIX века» 2001 года в сборнике «Д.П. Ознобишин. Стихотворения. Проза». Ключевой работой является статья египетского славяниста Хешама Мохаммеда Махмуда «Образ пророка Мухаммада в русской поэзии конца XVIII - XIX веков», опубликованная в журнале «Филология и культура» (2014). В ней детально разобраны стихотворения «Пророк» А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. В обоих произведениях автору удалось провести аналогии между деталями биографии Мухаммеда и содержанием стихотворений.

Итак, согласно указанному выше исследованию, в стихотворении «Пророк» А.С. Пушкина (1826) впервые сформировался концепт «поэта-пророка». Пушкинский поэт близок Пророку по ряду признаков: поэт находится в состоянии «томления духовной жаждой», как и Пророк; и поэт, и Пророк подверглись божественной инспирации; и поэту, и Пророку перед началом миссии ангел рассёк груди и очистил сердце; сходен и Божественный призыв к поэту «глаголом жги сердца людей» и к Пророку: «О, завернувшийся! Встань и увещевай» в суре 74 «Ал-мудассир» Корана [Хешам 2014: 210-212]. Есть и другие свидетельства сходства: «прозрение» поэта, когда после прикосновения ангела к очам и ушам «отверзлись вещи зеницы» и уши «наполнил шум и звон», а строки о поэте, лежавшем «как труп в пустыне», коррелируют с эпизодом чтения свитка Корана, когда ангел Джабраил сдвинул Мухаммеду грудь, после чего тот смог понять написанное. Стоит отметить, что до сих пор существует и точка зрения, что в данном стихотворении мог быть описан и путь Иисуса [Хашеми 2014: 211; Холмухамедова 2001: 381-382].

Каким же образом этот концепт развивали другие поэты?

Стихотворение «Тайны пророка» Д.П. Ознобишина (не позднее 1828) создано раньше лермонтовского «Пророка». В нём нет прямых отсылок к личности Мухаммеда, однако оно интересно тем, что развивает мысль пророческой миссии как невыносимого бремени, от которого пророк желает избавиться и вернуться в «прежние годы» неведения. Лирический герой не понимает, «зачем же тайной в них [людях - А.К.] радость губить», когда «мир так спокоен и тих», и «все небо так чисто и ясно». Так, нам открывается поэт-пророк, который несёт миру правду, но не уверен в своей цели. Так выражается конфликт между поэтом-пророком и его великим предназначением.

«Пророк» М.Ю. Лермонтова (1841) отражает ход событий после описанного в пушкинском «Пророке» эпизода принятия пророческой миссии. Герой по воле «вечного судии» (Бога) наделенный пророческим даром, идет к людям проповедовать, однако мир отвергает его, «закидывает камнями», как закидывали пророка Мухаммеда его родственники в Таифе. Герой Лермонтова «неуживчив» так же, как Пророк отрицал языческих идолов, почитаемых его соплеменниками. Народ не верит, что «Бог гласит его устами», как не принимали Мухаммеда арабияне [Хешам 2014: 213]. Ещё одна аналогия прослеживается между стихом «И вот в пустыне я живу» и эпизодом жизни Мухаммеда в пустыне за пределами Мекки. Лермонтов развивает мотив гонимого, характерный в целом для пророческих историй в Коране. Стихотворения Ознобишина и Лермонтова представляют веку осознания трагической судьбы поэта-пророка. Концепт гонимого поэта-пророка имеет корни и в персидской классической поэзии - именно таким представляет себя в стихах проповедник исмаилизма и поэт Насир-и Хосров (XI в.) [Рейснер 2001: 351-355].

Новый поворот в развитии данного концепта - стихотворение «Пророке» М.П. Розенгейма, написанное в 50-х гг. XIX в., на излёте «золотого века». С одной стороны, в нём прослеживаются те же черты, что и в одноименных стихотворениях Пушкина и Лермонтова: с другой, - здесь встречается новый поворот в развитии темы. В решавшего «бежать в пустыню» «в порыве сокрушения» пророка «Он» (Бог) вселяет новые духовные силы. Тот, подобно не отказавшемуся от своего пути Мухаммеду, продолжает свою миссию. Так появляется путь разрешения конфликта поэта-пророка и его предназначения.

Таким образом, в эпоху «золотого века русской поэзии» благодаря соприкосновению с ближневосточной культурой в рамках ориентализма в русскую литературу транспортировался образ пророка Мухаммеда как основа формирования концепта поэта-пророка. Появившийся впервые в стихотворении А.С. Пушкина, он развивался и трансформировался в творчестве других поэтов.

Источники и литература

- 1) Пумпян Г.З. Коран и арабо-мусульманские мотивы в русской поэзии XIX –начала XX в. // Назим Межид ад-Дейрави. Коран и пророк Мухаммед в русской классической поэзии. – СПб., 2011. – с. 6-19.
- 2) Рейснер М.Л. Образ поэта-пророка в персидской классической лирике (размышляя над статьей В. Жирмунского «Легенда о призвании певца») // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимовича Жирмунского. – СПб.: Наука, 2001. – с. 351-355.
- 3) Хешам Мохаммед Махмуд. Образ Пророка Мухаммада в русской поэзии конца XVIII - XIX веков // Филология и культура. – 2014. – № 2 (36).
- 4) Холмухамедова Н.Н. Д.П. Ознобишин в контексте русской ориентальной поэзии 20-40-х годов XIX века // Д.П. Ознобишин Стихотворения. Проза. В двух книгах. Т.2. / отв. ред. А.Л. Гришунин. – М.: Наука, 2001. – с. 376-434.